
I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2023.35.27

Анна Кречмер

Венский университет, Австрия

ORCID: 0000-0001-9282-889X

e-mail: anna.kretschmer@univie.ac.at

История славянской письменности в работах Н. И. Толстого

The history of Slavic writing in the work of Nikita I. Tolstoy

Abstract: This article will present the longtime research by Nikita I. Tolstoy in the history of pre-standard Slavic literature. That research was based on his concept of *Slavia Orthodoxa* as a homogeneous cultural area. Its culture was taken to be very different from the cultural paradigms of non-orthodox Slavia or Western Europe. Tolstoy's approach is compared here with the official Soviet doctrine of the history of Russian literary language (this view is still being subscribed to). A comparative approach of this kind will hopefully help discover methodological leaks of the Soviet doctrine and will also underpin the need for a broad and comparative approach that includes the whole area of *Slavia Orthodoxa*.

Key words: pre-standard literature; *Slavia Orthodoxa*; comparative approach

Важное место в кругу интересов Н. И. Толстого занимает история донациональной письменной культуры православных славян. Базой его исследований в данной области является концепция Православной Славии (*Slavia Orthodoxa*). Своеобразие старой письменной культуры этого ареала отмечалось и другими исследователями, но, как правило, лишь на уровне отдельных, хотя и интересных замечаний, и в границах отдельных локальных, этнических письменных традиций¹. Практически лишь Толстой и Рикардо Пиккио последовательно оперируют на

¹ Эта тема представлена в работах Д. С. Лихачева, А. В. Исаченко, Б. А. Успенского, В. М. Живова, Б. О. Унбегауна, Г. Ю. Шевелева (см. список литературы; ср. т. Kretschmer 1986).

надэтническом уровне, в глобальном контексте Православной Славии (и выходя за ее пределы). Для их подхода характерна установка на реконструкцию культурного контекста и мироощущения прошлого – в то время, как в конвенциональных исследованиях нередко встречается проекция современной ситуации, современного восприятия на прошлое, методологически, по крайней мере, спорное смешение планов синхронии и диахронии². Нельзя не отметить и слабость эмпирической базы – корпус, на который опираются эти исследования, селективен и ограничен. Исследования же Толстого характеризует серьезная аргументативная база и привлечение репрезентативного текстового корпуса.

Основы концепции Православной Славии представлены уже в статье Толстого «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» (Толстой 1961)³ и последовательно развиваются в ряде дальнейших его работ, как, например, «Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.)» (1963); «Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)» (1976); «Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку» (1988a)⁴; «Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика)» (1989a); «Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях» (1990a); «*Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки)» (1995/1997) (ср. т. Толстой 1990b). Православная Славия представляла собой в понимании Толстого в донациональный период многовековой единый культурный ареал⁵ для всех православных славян (и румын). Доминанта ее письменной культуры, детерминирующая ряд других ее признаков –

² Показательно, что структурализм, постулируя дихотомический характер соотношения синхронии и диахронии, требует строгого их разделения в исследовании. Такая позиция представлена в (Hüttl-Worth 1968: 7–8; 1973; Hüttl-Folter 1982: 10–11; Shevelov 1960: 64–66).

³ В фокусе нашего обзора труды Н. И. Толстого. Позиция Пиккио по ряду аспектов несколько иная (базисные ее положения см. Picchio 1962). Это связано и с различиями научных интересов обоих исследователей. Пиккио интересуется преимущественно литературный аспект, в то время, как Толстой оперирует не только на общелингвистическом, но и на надфилологическом уровне, включая в анализ культурологический и миросозерцательный параметры.

⁴ Первоначально опубликовано в сербском варианте (Толстой 1982).

⁵ Речь идет о единстве письменной, цивилизационной (христианской) – не устной народной культуры, сохраняющей в Православной Славии свою региональную специфику.

конфессиональность: эта культура имела ярко выраженный сакральный характер. В письменности Киевской и Московской Руси не было поэтому романа, (любовной) лирики, драмы и под. – момент развлекательности в ней принципиально отсутствовал (или был представлен лишь маргинально). Чтение (слушание) сакральных и близких к ним текстов было частью ежедневных обязанностей православного христианина и служило главной его жизненной задаче – спасению души. Развлекательность была представлена в народной культуре – которая последовательно подвергалась гонениям со стороны и церкви, и государства. Сакральность письменной культуры обусловила ее стабильность во времени и пространстве – как элемента веры. Сопутствующим стабилизирующим фактором был строгий иерархически организованный жанровый канон. Модель этого канона, разработанная Толстым, состоит из 14 ярусов, причем верхние ярусы представлены жанрами с наибольшей степенью сакральности (литургикой, гимнографией, агиографией, панегирикой), а нижние – максимально далекими от сакрального (светская правовая, деловая, бытовая письменность) (Толстой 1988в: 168). Языком письменной культуры Православной Славии был древнеславянский⁶ локальных редакций. Сакральностью этой культуры объясняется также – принципиальное и осознанное – отсутствие индивидуального авторства, особенно выраженное в древний период. Переписывание и создание текстов (по строго заданным канонам) было частью жизненной задачи (*подвига*) тех православных христиан, которые обладали соответствующей квалификацией, и служило спасению их душ. Индивидуальное авторство появляется лишь постепенно и в целом относительно поздно. В этой связи следует упомянуть и «открытость» текстов – тексты (за исключением верхних ярусов жанрового канона) могли становиться частями новых сборников и конволютов, сокращаться, дополняться, перерабатываться (в канонических рамках). Культурная парадигма Православной Славии существовала, изменяясь лишь незначительно, в течение веков. Она принципиально отличалась от культур как неправославной Славии (*Slavia Latina / Romana / Christiana*)⁷, так и Западной Европы – которые не обладали подобной гомогенной и устойчивой культурной моделью.

Гомогенность и устойчивость (почти неизменяемость) культурной модели Православной Славии не означают, однако, инвариантность. Об-

⁶ Здесь используется обозначение цксл. (церковнославянский). В советской рустике его избегали – оно противоречило официальной трактовке происхождения русского литературного языка.

⁷ Единого обозначения этого ареала пока нет, что, в первую очередь, связано, видимо, именно с его гетерогенностью.

ращаясь к разным периодам и регионам Православной Славии, Толстой неоднократно показывает это в своих работах. Так, вариативность во временном аспекте затрагивает как начало культурной парадигмы Православной Славии, так и период ее распада. Начало связано с принятием христианства византийского образца – которое происходило в разных регионах Православной Славии в разное время. Временной диапазон распада еще шире. Различаются при этом не только время, но и пути перехода на культурную модель европейского Нового времени, а также судьбы старой культурной традиции и отношение к ней в отдельных сегментах ареала. Эта тематика пока слабо исследована. Работа дополнительно затрудняется отсутствием сравнительного анализа в контексте всей Православной Славии – исследования проводятся в рамках отдельных (современных) национальных языков и культур⁸. Толстой же последовательно стремится охватить весь временной и региональный диапазон Православной Славии – от кирилло-мефодиевской традиции (Толстой 1998а) до формирования языковых стандартов (Толстой 1966, 1982), исследуя как письменные традиции православного славянства (ср. в.), так и выходя за его границы (Толстой 1987, 1989б, 1990б, 1998б, 1998в).

Представленные выше положения концепции Православной Славии послужат базой и фоном анализа дискуссии по истории русского литературного языка (которая была выбрана здесь в качестве иллюстрации). К центральным ее вопросам можно отнести следующие: роль (статус) цксл.; временные границы и периодизация; характер развития и некоторые другие⁹. Вопрос о статусе и роли цксл. – одна из главных «невралгических» точек дискуссии. В дореволюционное время общераспространенным было мнение о, по крайней мере, очень значительном цксл. влиянии, как в донациональный период, так и в современном литературном языке (ср. Соболевский 1980; Шахматов 1960; ср. т. Kretschmer 1986: 5–8). В советский период имела место значительная идеологизация научной парадигмы. Роль цксл. сводилась к минимуму, развитие же русского литературного языка представлялось как поступательный, эволютивный – и автохтонный – процесс (ср. Kretschmer 1986: 8–9, 49–59). Эта догма была закреплена работами крупного историка-русиста С. П. Обнорского – в общем контексте нападок на филологию и славистику в сталинское время¹⁰. Особую роль сыграли при этом «Очерки по

⁸ Своего рода пережиток эпохи Романтизма, в которую формировалась славянская филология как наука.

⁹ Обзор этих вопросов дается в (Кречмер 1995).

¹⁰ Этой теме посвящены (Ашнин, Алпатов 1994; Нерознак 2001).

истории русского литературного языка старшего периода» (Обнорский 1946). Лишь в 1958 году – году первого послевоенного Международного съезда славистов, проходившего в Москве, когда в период послесталинской «оттепели» стала возможной (очень постепенная) реабилитация цксл., В. В. Виноградов формулирует свою теорию двух типов древнерусского языка (книжно-славянский и народно-литературный) (Виноградов 1958)¹¹. Толстой идет дальше, называя общим литературным языком Православной Славии цксл. (древнеславянский) (Толстой 1961). Официальная же русистика и далее постулирует доминанту «народного» в русском литературном языке. В послевоенный период одним из главных проводников официальной доктрины становится Ф. П. Филин (ср. Kretschmer 1986: 33–36). Его взгляды наиболее четко выражены в монографии «Истоки и судьбы русского литературного языка» (Филин 1981). В отличие от Толстого, Филин считает, что истории славянских литературных языков следует рассматривать отдельно. Историю русского литературного языка он понимает как непрерывное поступательное развитие от самого зарождения письменности до настоящего времени (внутренняя дифференциация восточнославянского языкового ареала при этом не учитывается и не тематизируется). Базой литературного языка является т. н. народный язык, цксл. же отводится лишь роль катализатора, активизировавшего внутренний потенциал народного языка (там же: 257). После принятия христианства сосуществуют два самостоятельных литературных языка (с двумя подтипами) – цксл. и древнерусский (там же: 259). Оба были нормированы и воспринимались как два языка (там же: 232–234). Показательны и расхождения в оценке статуса делового языка. В модели жанрового канона Православной Славии Толстого он представлен лишь на самых нижних ярусах (а во многом остается за пределами канона) (ср. в.). Филин же относит его непосредственно к сфере литературного языка (Филин 1981: 252), аргументируя тем, что обязательным признаком литературного языка является наличие обработанной, элаборированной письменности (там же: 176–178). В результате 2-го южнославянского влияния (для Филина – внутренний процесс русской языковой истории) происходит искусственная архаизация литературного языка, что приводит к расхождению между ним и народным языком (там же: 258–260). В XVII в. процесс формирования русской нации ведет к изменениям в языковой ситуации. В это время на Руси с ее преимущественно неграмотным населением, существовал единый разговорный язык и два неполивалентных литера-

¹¹ Ср. т. (Виноградов 1934). Анализ положений Виноградова дан в (Толстой 1974).

турных языка (там же: 96, 107–108). Современный литературный язык представляет собой «сплав» московского койне¹² (на базе социально недифференцированного коллоквиального языка), смешанного языка летописей¹³ и иностранных заимствований (там же: 170). Нельзя не отметить слабость аргументативной базы, место которой в монографии Филина нередко занимает эмоционально окрашенная внеучная полемика (там же: 115–116, 162, 230, 252). В работах Толстого, опирающихся как на аргументативную, так и на эмпирическую, корпусную базу, подобного не наблюдается¹⁴.

Во многом открытым остается вопрос о временных границах и периодизации русского литературного языка. Письменная традиция у восточных славян начинается с принятием христианства византийского образца в конце X в.¹⁵ Период до (по) XVII в. советская концепция относит к древнерусскому периоду. Внутренними его границами являются распад Киевского государства и 2-е южнославянское влияние, которые делят его на два крупных подпериода – Киевский (X–XIV вв.) и Московский (XIV–XVI вв.) (с переходной фазой Владимиро-Суздальского великокняжеского престола на рубеже XIII–XIV вв.). Статус XVII в., разделяющего древне- и новорусский периоды, как и следующего века (в особенной степени это относится к Петровскому времени) и сегодня остаются во многом неразъясненными. С этой темой непосредственно связан вопрос о начале русского языкового стандарта, также остающийся открытым. Не останавливаясь здесь далее на этой тематике, укажем лишь на то, что многие из проблем и здесь связаны со слабостью эмпирической базы, с умозрительностью периодизации и ее фокусированием на историю социально-политическую – в границах отдельного этноса (социума). Подход Толстого – на надэтническом уровне, с опорой на данные корпуса и культурной истории – позволяет ему избегать и этих проблем.

¹² О роли городского языка Москвы ср. (Ларин 1961, 1975). Позиция Ларина во многом расходится с официальной (ср. Kretschmer 1986: 36–38).

¹³ О «смешанном» языке летописей ср. (Хюттль-Ворт 1976; Hüttl-Folter 1983).

¹⁴ Взгляды, отличающиеся от официальной трактовки истории русского литературного языка, представлены преимущественно в работах зарубежных ученых. В первую очередь здесь следует назвать А. В. Исаченко, Б. О. Унбегауна, Владимира Мошина, Герту Хюттль-Фольтер (Хюттль-Ворт) и Рикардо Пиккио (см. список литературы; ср. т. Kretschmer 1986: 15–30). Однако и в советской (российской) науке не все придерживаются официальной доктрины – упомянем здесь лишь В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева, Б. А. Успенского, В. М. Живова. Анализ некоторых их работ см. (Kretschmer 1986: 36–49).

¹⁵ Вопрос о существовании дохристианской письменности у восточных славян здесь не рассматривается, поскольку такие предположения не располагают необходимой доказательной базой.

Определение временных границ и периодизация русского литературного языка предполагают существование четкой дефиниции объекта – *литературного языка* – которой мы не располагаем. Обозначение «литературный язык» в конвенциональных исследованиях употребляется недифференцировано применительно ко всем эпохам существования письменности. Более того, современное содержание понятия нередко некритически переносится на прошлое – вплоть до X в.¹⁶ Это несколько удивляет, особенно, если принять во внимание, что эта тема разрабатывалась уже Пражским лингвистическим кружком (ср. Navránek 1963; Гавранек 1971; ср. т., Исаченко 1958; Jedlička 1978)¹⁷.

С проблемой периодизации и определения временных границ русского литературного языка связан вопрос о характере его развития. Непрерывность и поступательность этого развития – важные постулаты советской концепции¹⁸. Прямо противоположную позицию занимает Александр Исаченко, который относит начало формирования современного литературного языка к позднему XVIII в. Этому предшествуют несколько десятилетий «языкового поиска», а им – несколько десятилетий цезуры в Петровское и послепетровское время (этот период Исаченко называет «ничейной языковой территорией»)¹⁹. При этом имеет место практически полный разрыв со старой письменностью, ее языками и системой жанров (Issatschenko 1983: Кар. XVII–XVIII). Г. Хюттль-Фольтер занимает в этом вопросе компромиссную позицию, постулируя скорее перемену характера письменности и ее языка, но не полный разрыв с традицией (Хюттль-Фольтер 1982). С этой тематикой непосредственно связаны и вопросы о статусе XVII в. и Петровского времени, мнения по которым также значительно расходятся (ср. Kretschmer 1986: 86–90).

Концепция монолитного культурного ареала Православной Славии была введена в научный обиход более полувека назад. Однако приходится констатировать, что в русистике и сегодня преобладает лишь

¹⁶ Нередко имеет место и смешение понятий *литературный язык* и *язык литературы* (этот вопрос здесь также далее рассматриваться не будет).

¹⁷ Толстой, напротив, последовательно учитывает специфику донациональных письменных языков и их принципиальное отличие по ряду дистинктивных признаков от литературных языков современности, как и различия между литературой европейской традиции и сакральной письменностью православного славянства. Это отражено, помимо прочего, в его модели жанрового канона (Толстой 1988).

¹⁸ Интересно, что контитуитет развития постулирует и выдающийся представитель научной русской эмиграции Борис Унбегаун. Правда, в его понимании это континуитет цксл. литературного языка – «от Владимира (Святого) – до Владимира (Ленина)» (Унбегаун 1970, 1971; ср. т. Kretschmer 1986: 15–18).

¹⁹ В немецком оригинале: „sprachliches Niemandsland“ (Issatschenko 1983: 562).

незначительно модифицированная советская картина преимущественно автохтонного развития русского литературного языка²⁰. Исследования (и не только в русистике) и далее ведутся почти исключительно в пределах отдельных национальных (этнических) языков и культур. Что же касается самой концепции Православной Славии – непосредственной дискуссии по ней, собственно, еще и не было, хотя в последние годы в ряде работ можно отметить ее влияние.

Важный вклад в изучение истории письменности Восточной Славии представляет собой концепция диглоссии, предложенная Б. А. Успенским (Успенский 1983). Это своего рода транспозиция синхронистической социолингвистической модели Чарльза Фергюсона (Ferguson 1959) в диахронный план и ее проекция на языковую ситуацию старой Восточной Славии. Диглоссия понимается как особый вид сбалансированного билингвализма, базирующегося на дополнительном функциональном распределении обоих языков. Этим задается ее стабильность: невозможность сосуществования в одном и том же функциональном контексте исключает возможность конкуренции языков. Языки в ситуации диглоссии не являются равностатусными: *high variety* обладает престижем, литературной традицией, кодифицирован; *low variety* этих качеств не имеет и используется преимущественно в устном повседневном общении. В донациональный период статус *high variety* имел цксл. Именно это положение, судя по всему, стало импульсом к необычно острой полемике против теории диглоссии²¹. На неоднородность языковой ситуации в донациональный период указывалось и ранее – как в работах Толстого и Пиккио, так и у Исаченко (Issatschenko 1980: 54–102), Хютль-Ворт (1968; Хютль-Фольтер 1982) и др.²². Однако это не вызывало ничего сравнимого с дискуссией о диглоссии. Не останавливаясь здесь далее на этой теме, отметим, что аргументация противников диглоссии (в особенной степени это относится к представителям советской русистики) не располагает сколь-либо валидной доказательной базой. Кроме того, не всегда учитывается, что речь идет о модели.²³ Некоторые пункты критики, однако, заслуживают инте-

²⁰ Особую значимость имеют учебные пособия для филологических специальностей – как инструменты стабилизации и традирования доктрины. Ср. обзор советских пособий в (Kretschmer 1986: 49–59).

²¹ Анализ дискуссии по теории диглоссии дан в (Kretschmer 1994).

²² Ср. т. позицию досоветской русистики (Kretschmer 1986: 5–8), теорию Виноградова о 2-х типах древнерусского письменного языка (ср. в.).

²³ Существование триглоссии (а оно несомненно, по крайней мере, в поздней Московской Руси) не является само по себе достаточным аргументом против концепции диглоссии – именно в силу ее модельного характера. Мы рассматриваем триглоссию

реса, как, например, указание на триглоссию в Московской Руси – с цксл. и деловым языками в сфере письменной и локальным идиомом в сфере повседневного устного общения. Но триглоссия в (поздней) Московской Руси интересна скорее как показатель внутренней дифференциации Православной Славии. Так, православная Южная Славия не имела действительного аналога деловому языку Московской Руси – на базе идиома и почти свободного от влияния цксл. На Балканах цксл. сумел проникнуть и в область делового и правового языка (в т. ч. светского)²⁴. Языковая ситуация в домонгольский период в Восточной Славии была преимущественно гомогенной, диглоссия в понимании Успенского в древний период представлена здесь достаточно четко. Вопрос, почему цксл. не смог занять здесь функцию языка администрации и права, весьма интересен – но практически не тематизируется²⁵.

Огромен вклад в изучение истории русского (литературного) языка Александра Исаченко, выдающегося представителя научной русской эмиграции. Его редко публиковали в советских изданиях, как из-за его видения русской (языковой) истории, отличавшегося от официального, так и из-за его склонности обращаться именно к «болевым» ее вопросам. Выходившие же за рубежом его работы были мало доступны советским коллегам. В первую очередь здесь следует назвать „Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache“ (Issatschenko 1975). Это своего рода манифест, в котором критическому анализу подвергаются советские мифы об истории русского литературного языка. В капитальном двухтомнике „Geschichte der russischen Sprache“, опубликованном уже после смерти Исаченко, представлены результаты его многолетних исследований (Issatschenko 1980, 1983). Эти и другие его работы несомненно входят в число наиболее значимых исследований XX в. на данную тему (см. список литературы).

лишь как локальную модификацию многоязычной ситуации – основополагающий же принцип сосуществования различных языковых форм при дополнительном функциональном их распределении остается в силе.

²⁴ Еще более сложной была ситуация в т. н. Юго-Западной Руси (ср. н.).

²⁵ Интересны замечания немецкого слависта К. Зееманна, который исходит из того, что к (довольно позднему) моменту принятия христианства у восточных славян уже существовала устоявшаяся традиция устного языка права (*oral law*) на базе идиома (Seemann 1982, 1983). Не менее интересны, хотя и немного спекулятивны его предположения о влиянии здесь определенной магии слова (что, впрочем, в высокой степени перформативном языке права вполне представимо), как и о древней традиции необходимости устного употребления правовых формул. Возможно здесь и определенное влияние сильной традиции скандинавского устного права – которого не было в Южной Славии, ср. (Kretschmer 1986: 80–81).

Вернемся к работам Толстого. Выше уже указывалось на то, что конечная фаза Православной Славии изучена слабо. Толстой неоднократно обращался к этой теме. В данной связи особое значение для него имеют два ключевых понятия – «ускоренное развитие» и «конкуренция норм». Культура Православной Славии не знала европейской системы стилей (гуманизм, барокко, рококо, классицизм и т. д.). В процессе перехода православного славянства на эту систему можно наблюдать «наложение» и, по крайней мере, частичное временное совпадение европейских стилей. При этом чем позднее начинается этот процесс, тем сильнее степень такого «ускорения»²⁶.

Процесс смены культурной модели сопровождался поисками адекватного письменного языка. – цксл. по понятным причинам в этой роли выступать не мог. Однако его престиж и знаковый характер как символа православия вызывали неоднократные попытки хотя бы частично сохранить его и имплементировать в новый этнический литературный язык. В связи с процессом смены языка и культурной модели Толстой формулирует положение о конкуренции различных языковых норм (Толстой 1982)²⁷. В ситуации диглоссии, где невозможно было сосуществование разных языков в одном функциональном контексте, не могло быть и их конкуренции. С распадом диглоссии это становится возможным, а конкуренция ведет к вытеснению одних и победе других языковых норм. Это происходило в разных сегментах Православной Славии по-разному и в разное время. Неслучайно, что это положение Толстой формулирует на сербском материале. В первой половине XIX в. в кругах сербских интеллектуалов велась острая языковая полемика, в которой победила предложенная Вуком Караджичем модель литературного языка с фокусом почти исключительно на т. н. «народный язык». В Сербии и сегодня еще общераспространенным является мнение о том, что такое решение было не только оптимальным, но и единственно адекватным – несмотря на то, что почти все славянские (и не только) языковые стандарты развивались по другим моделям.

Уделяя большое значение гомогенности письменной цивилизационной культуры у православных славян в донациональное время, Толстой в своих работах показывает и ее вариативность, внутреннюю дифференциацию. В фокусе его внимания великорусский и православный южнославянский регионы. Но положения его применимы ко всему ареа-

²⁶ Концепцию «ускоренного развития» (литератур) сформулировал Георгий Гачев применительно к болгарскому региону, где смена культурных парадигм начинается позже, чем в других частях Православной Славии (Гачев 1964).

²⁷ Русский вариант в: Толстой 1988.

лу Православной Славии, что будет показано в последующем на примере Восточной Славии (ср. т. Толстой 1998б). Теме этой в советской славистике уделялось сравнительно мало внимания, ситуация не изменилась существенно и в постсоветское время. Особенно древний период истории представляется недифференцированно и предвзято. Игнорируются единство и сакральность старой письменной культуры, статус цксл. как ее языка – вместо этого постулируется существование *древнерусского* литературного языка (причем содержание этого обозначения остается во многом неясным). Игнорируется внутренняя дифференциация Восточной Славии, и в диалектном, и в административно-правовом отношении – многовековой раздел восточно-славянского языкового пространства после распада Киевской Руси. Восточные славяне, подданные венгерского, польского, литовского государств, веками находились в ситуации культурного и языкового контакта и формировали свои особые культурные и письменные традиции, сохраняя одновременно связь со старой православной культурой. Ситуация в Московской Руси была во многих отношениях иной. Но различия эти мало учитываются и тематизируются в работах российских ученых²⁸. В постсоветских Украине и Беларуси наблюдается оживление интереса к истории языка и культуры, но о систематической, базированной на корпусном анализе дескрипции и анализе говорить пока и здесь не приходится. Напротив, можно наблюдать определенные вненаучные веяния, как и отсутствие сравнительного подхода в общевосточнославянском контексте. В целом же приходится констатировать, что на настоящий момент мы не располагаем комплексной, обзорной историей письменной культуры старой Православной Славии.

Обращаясь к исследованиям Толстого по истории славянских литературных языков, нельзя не упомянуть и его работ по их типологии. Таких исследований в славистике мало. В общеславянском контексте оперируют практически лишь Далибор Брозович (Брозович 1967; Brozović 1970) и Н. И. Толстой (Толстой 1985, 1988а, 1988б)²⁹. На базе заданного перечня параметров определяются степень и тип стандартности отдельных славянских языков. Модель Брозовича преимущественно

²⁸ Исключения представляют работы Б. А. Успенского и В. М. Живова (см. список литературы), но это все же скорее уровень весьма интересных, но отдельных замечаний.

²⁹ Вышедший несколько лет назад сборник, посвященный типологии славянских стандартных языков (Müller, Wingender 2013) содержит интересные аспекты и замечания, но в целом не достигает уровня общеславянских моделей Брозовича и Толстого. Обзор его дается в (Kelih, Kretschmer 2016).

фокусирована на синхронный план, современные славянские языковые стандарты. Модель Толстого содержит как диахроническую перспективу, так и внеязыковые, культурологические параметры³⁰.

В заключение хотелось бы еще раз указать на важную особенность научного подхода Толстого и его способность вскрывать «болевые» точки, поднимать «проклятые» вопросы и проблемы. Если у Исаченко это нередко выражалось в намеренном и сознательном эпатировании и провокации – с целью привлечь внимание к идеологизации исследования в советский период³¹, то Толстой делал это щадяще, руководствуясь библейским «имеющий уши...». В его работах и сегодня можно найти массу интереснейших замечаний, сносок, указаний по самым разным граням одной из его любимых научных тем – культурно-языковой истории старой Славии. Многие из них все еще ждут своих исследователей. Некоторые из особо значимых тем и вопросов этой области исследования мы попытались представить в нашем обзоре. Охватить весь диапазон научных интересов Н. И. Толстого по понятным причинам было невозможно, поэтому такая задача и не ставилась. В первую очередь, эта работа – дань памяти великому ученому и любимому Учителю. Думается, все те, кто имел счастье учиться у Н. И. Толстого, помнят, каким удивительным наставником он был!

Вечная и светлая память!

Литература

- Ашнин Федор Д., Алпатов Владимир М., 1994, *«Дело славистов»: 30-е годы*, Москва: Наследие.
- Брозович Далибор, 1967, *Славянские стандартные языки и сравнительный метод*, «Вопросы языкознания» 1, с. 3–33.
- Виноградов Виктор В., 1934, *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва: Гос. учеб.-пед. изд-во.
- Виноградов Виктор В., 1958, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка*, IV Международный съезд славистов, Доклады, Москва: АН СССР.
- Гавранек Богуслав, 1971, *Задачи литературного языка и его культура*, [в:] Čuževs´kuj D. (ed.), *Prager linguistischer Zirkel. Slavische Propyläen* 108, München: Fink, с. 338–337.
- Гачев Георгий, 1964, *Ускоренное развитие литературы*, Москва: Наука.
- Живов Виктор М., 1988, *Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков*, [в:] Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. (ред.), *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва: Наука, с. 49–98.

³⁰ Попытка их сравнительного анализа дается в (Kretschmer 1993).

³¹ Это не раз подтверждали в своих рассказах о нем его дочь и Герта Хюттль-Фольгер.

- Живов Виктор М., 1995, *Культурные реформы в системе преобразований Петра I*, [в:] А. Д. Кошелев (ред.), *Из истории русской культуры*, т. III (XVII – начало XVIII века), Москва: Языки русской культуры, с. 528–583.
- Живов Виктор М., 1996, *Язык и культура в России XVIII века*, Москва: Языки русской культуры.
- Исаченко Александр В., 1958, *Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?* «Вопросы языкознания» 4, с. 42–45.
- Исаченко Александр В., 1973, *Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)*, „Wiener Slavistisches Jahrbuch” 18, с. 48–55.
- Кречмер Анна, 1995, *Актуальные вопросы истории русского литературного языка*, «Вопросы языкознания» 6, с. 96–123.
- Кречмер Анна, 2015, *Православные славяне в неправославном окружении – проблемы культурно-языкового идентитета*, [в:] Никита В. Супрунчук (ред.), *Языковой контакт*, Минск: РИВШ, с. 101–110.
- Ларин Борис А., 1961, *Разговорный язык Московской Руси, Начальный этап формирования русского литературного языка*, Ленинград: ЛГУ.
- Ларин Борис А., 1975, *Лекции по истории русского литературного языка*, Москва: Высшая школа.
- Лихачев Дмитрий С., 1963, *Система литературных жанров Древней Руси*, [в:] Андрей Н. Робинсон (ред.), *Славянские литературы*, V Международный съезд славистов, Доклады советской делегации, Москва: АН СССР, с. 47–70.
- Лихачев Дмитрий С., 1968, *Древнеславянские литературы как система*, [в:] Дмитрий Ф. Марков, Андрей Н. Робинсон (ред.), *Славянские литературы*, VI Международный съезд славистов, Доклады советской делегации, Москва: АН СССР, с. 5–48.
- Мошин Владимир, 1963, *О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв.*, [в:] Лев А. Дмитриев, Дмитрий С. Лихачев (ред.), *Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур*, ТОДРЛ 19, Москва–Ленинград: АН СССР, с. 28–106.
- Нерознак Владимир П. (ред.), 2001, *Сумерки лингвистики, Из истории отечественного языкознания, Антология*, Москва: Academia.
- Николаева Татьяна М., 2006, *Языковая ситуация в начальный период формирования русской нации*, «Ученые записки Казанского государственного университета» 148/2, с. 119–127.
- Обнорский Сергей П., 1946, *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, Москва–Ленинград: АН СССР.
- Соболевский Алексей И., 1980, *История русского литературного языка*, Ленинград: Наука.
- Толстой Никита И., 1961, *К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян*, «Вопросы языкознания» 1, с. 52–66.
- Толстой Никита И., 1963, *Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.)*, [в:] Виктор В. Виноградов (ред.), *Славянское языкознание*, V Международный съезд славистов, Доклады советской делегации, Москва: АН СССР, с. 230–272.
- Толстой Никита И., 1974, *Взгляды В. В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языков*, [в:] Вера А. Белошапкова,

- Н. И. Толстой (ред.), *Исследования по славянской филологии*, (Сборник, посвященный памяти В.В. Виноградова), Москва: МГУ, с. 319–329.
- Толстой Никита И., 1976, *Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)*, [в:] Клавдия В. Горшкова (ред.), *Вопросы русского языкознания*, Москва: МГУ, с. 177–204.
- Толстой Никита И., 1985, *Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам): опыт сравнительного рассмотрения*, [в:] М. М. Гухман (ред.), *Функциональная стратификация языка*, Москва: Наука, с. 9–24.
- Толстой Никита И., 1988а, *Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения)*, [в:] Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва: Наука, с. 6–27.
- Толстой Никита И., 1988б, *К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его «стандартности»*, [в:] Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва: Наука, с. 27–33.
- Толстой Никита И., 1988в, *Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку*, [в:] Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва: Наука, с. 164–173³².
- Толстой Никита И., 1988г, *Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII в. у сербов*, [в:] Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва: Наука, с. 186–194.
- Толстой Никита И., 1989а, *Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика)*, [в:] Геннадий Г. Литаврин, Вячеслав В. Иванов (ред.), *Развитие этнического сознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва: Наука, с. 14–24.
- Толстой Никита И., 1989б, *Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII–XIV вв.*, [в:] Геннадий Г. Литаврин, Вячеслав В. Иванов (ред.), *Развитие этнического сознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва: Наука, с. 152–164.
- Толстой Никита И., 1990а, *Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях*, [в:] Василий Г. Злыднев (ред.), *Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв.*, Москва: АН СССР, с. 29–36.
- Толстой Никита И., 1990б, *Новый славянский литературный микроязык?*, [в:] Дмитрий С. Лихачев (ред.), *Res philologica*, Филологические исследования, Памяти Г. В. Степанова, 1918–1986, Москва–Ленинград: АН СССР, с. 265–272.
- Толстой Никита И., 1995, *Slavia Orthodoxa u Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки)*, „Ricerche slavistiche” XLII, с. 89–102; то же [в:] «Вопросы языкознания» 2/1997, с. 16–23.
- Толстой Никита И., 1998а, *Кирилло-мефодиевская традиция у славян*, [в:] Н. И. Толстой, *Избранные труды*, т. 2, Москва: Языки русской культуры, с. 43–48.

³² Первоначально опубликовано в сербском варианте: Толстой 1982.

- Толстой Никита И., 1998б, *Языковая ситуация в западных пределах восточного и южного славянства в XVII в. (опыт сопоставительного рассмотрения)*, [в:] Н. И. Толстой, *Избранные труды*, т. 2, Москва: Языки русской культуры, с. 174–181³³.
- Толстой Никита И., 1998в, *Регионализм и литературно-языковая ситуация в хорватских землях XVI–XVIII вв.*, [в:] Н. И. Толстой, *Избранные труды*, т. 2, Москва: Языки русской культуры, с. 360–394.
- Толстој Никита, 1966, *Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића*, [в:] *Научни састанак слависта у Вукове дане 5*, Београд: МСЦ, с. 227–234.
- Толстој Никита, 1982, *Однос старог књишког језика према старом словенском језику (у вези са развојем жанрова у старој српској књижевности)*, [в:] *Научни састанак слависта у Вукове дане 8*, Београд: МСЦ, с. 15–23.
- Толстој Никита, 1990, *Језичка ситуација у западним деловима Источног и Јужног словенства у XVII веку (покушај упоредног разматрања)*, „Књижевни језик” (Сарајево) 19/4, 161–167.
- Унбегаун Борис О., 1968, *Язык русской литературы и проблемы его развития*, „Revue des Études Slaves” 47, с. 129–134.
- Унбегаун Борис О., 1970, *Происхождение русского литературного языка*, «Новый журнал» 100, с. 306–319.
- Унбегаун Борис О., 1971, *Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения*, [в:] Алексеев, А. А. (ред.), *Поэтика и стилистика русской литературы*, Ленинград: АН СССР, с. 329–333.
- Успенский Борис А., 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, IX Международный съезд славистов, Доклады, Москва: МГУ.
- Филин Федот П., 1981, *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва: Наука.
- Хютль-Ворт Герта (Hüttl-Worth Gerta), 1968, *Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка*, [в:] Henry Kučera (rd.), *American Contributions to the 6th International Congress of Slavists*, vol. I, The Hague: Mouton, с. 95–124.
- Хютль-Ворт Герта (Hüttl-Worth Gerta), 1973, *Спорные вопросы изучения литературного языка в древнерусский период*, „Wiener Slawistisches Jahrbuch” 18, с. 29–47.
- Хютль-Ворт Герта (Hüttl-Worth Gerta), 1976, *К проблематике норм языка древнерусских летописей*, [в:] Ф. П. Филин, А. И. Горшков (ред.), *Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах*, Москва: МГУ, с. 173–179.
- Хютль-Фольтер Герта (Hüttl-Folter Gerta), 1982, *Проблематика языкового наследия XVII в. в русском литературном языке нового времени*, „Wiener Slawistisches Jahrbuch” 28, с. 9–24.
- Brozović Dalibor, 1970, *Standardni jezik*, Zagreb: Matica Hrvatska.
- Ferguson Charles, 1959, On Diglossia, „Word” 15, p. 325–359.
- Havránek Bohuslav, 1963, *Studie o spisovném jazyce*, Praha: Československé akademie věd.
- Hüttl-Folter Gerta, 1983, *Die trat/torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken*, Wien: Österr. AdW.

³³ Впервые опубликовано на сербохорватском: Толстој 1990.

- Issatschenko Alexander, 1975, *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 298. Bd., 5. Abhandlung, Wien: Österr. AdW.
- Issatschenko Alexander, 1980, *Geschichte der russischen Sprache*, Bd. 1, Heidelberg: Winter.
- Issatschenko Alexander, 1983, *Geschichte der russischen Sprache*, Bd. 2, Heidelberg: Winter.
- Kelih Emmerich, Kretschmer, Anna, 2016, (Rez.), [w:] Daniel Müller, Monika Wingender (Hg.), *Typen slawischer Standardsprachen. Theoretische, methodische und empirische Zugänge*, „Wiener Slawistisches Jahrbuch“ N. F., vol. 4, s. 244–247.
- Jedlička Alois, 1978, *Die Schriftsprache in der heutigen Kommunikation*, Leipzig: VEB.
- Kretschmer Anna, 1986, *Zur Diskussion um den Ursprung des russischen „literaturnyj jazyk“ (seit Ende der fünfziger Jahre)*, Hagen: Otto Rottmann.
- Kretschmer 1993, *Zur Geschichte und Typologie slawischer Standardsprachen (N. I. Tolstoj zum 70. Geburtstag)*, „Zeitschrift für Slawistik“ 38/2, s. 177–184.
- Kretschmer Anna, 1994, Und noch einmal zur Diglossie, T. Berger (Hg.), *Jung-SlawistInnen-Treffen in Wien 1992*, „Wiener Slawistischer Almanach“ 33, s. 181–194.
- Müller Daniel, Wingender Monika (Hg.), 2013, *Typen slawischer Standardsprachen. Theoretische, methodische und empirische Zugänge*, Wiesbaden: Harrassowitz (Slavistische Studienbücher, N. F., 25).
- Picchio Riccardo, 1962, *Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslawischen Tradition*, „Welt der Slaven“ VII, s. 1–27.
- Seemann Klaus Dieter, 1982, *Loquendum est russice & scribendum est slavonice*, „Russia Medievalis“ V, s. 103–136.
- Seemann Klaus Dieter, 1983, *Die „Diglossie“ und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Rußland*, [w:] Reinhold Olesch (ed.), *Slavistische Forschungen*, 40. Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistenkongreß in Kiev, Köln-Wien: Böhlau, s. 553–561.
- Shevelov George Y., 1960, *Die kirchenslawischen Elemente in der russischen Literatursprache und die Rolle Šachmatovs bei ihrer Erforschung*, [w:] A. A. Šachmatov, G. Y. Shevelov, *Die kirchenslawischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden: Harrassowitz, s. 43–106.

Streszczenie: Autorka przedstawia wieloletnie badania N. I. Tołstoja nad dziejami piśmiennictwa słowiańskiego w okresie przednarodowym. Tołstoj zajmował się tym tematem przez prawie całe swoje życie naukowe. Metodologiczną podstawą jego podejścia jest koncepcja jednolitego obszaru kulturowego u prawosławnych Słowian w okresie przedstandardowym, przednarodowym. Kultura pisana (i tylko o niej mowa) Słowian prawosławnych znacznie różniła się szeregiem parametrów od kultury zarówno Słowian nieprawosławnych, jak i Europy Zachodniej. Ta specyfika z reguły nie jest wystarczająco uwzględniana w badaniach konwencjonalnych, które zresztą prawie zawsze operują w wąskich ramach poszczególnych (nowoczesnych) języków słowiańskich i grup etnicznych. Ponadto konwencjonalne badania w tej dziedzinie nie zawsze są wolne od pozanaukowych, ideologicznych „osadów”. W szczególny sposób dotyczy to radzieckiej koncepcji dziejów rozwoju rosyjskiego języka literackiego (koncepcja ta z niewielkimi zmianami do dziś dominuje w nauce rosyjskiej). Dlatego to ona jest tutaj głównym tłem dla prezentacji

poglądów i pozycji Tolstoja. W artykule przedstawiono również niektóre stanowiska i koncepcje innych badaczy, które są naszym zdaniem szczególnie istotne (Isachenko, Uspienski, Hüttl-Volter / Hüttl-Worth itp.). W przeglądzie uwzględniono także opracowany przez Tolstoja model analizy typologicznej słowiańskich języków literackich, co pozwala określić stopień i rodzaj ich standaryzacji.

Słowa kluczowe: Slavia prawosławna; analiza porównawcza; analiza typologiczna; piśmiennictwo przednarodowe; słowiańskie języki literackie